

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ**

КАФЕДРА
ИСТОРИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
СЕРГЕЯ ПЛАТОНОВА «БОРИС ГОДУНОВ»

Санкт-Петербург
2003 год

Личность Бориса Годунова всегда пользовалась вниманием историков. У своих современников Борис вызывал как похвалу, так и осуждение, поэтому дать справедливую оценку этому политическому деятелю было весьма затруднительно. Впервые попытался это сделать автор «Временника» XVII века дьяк Иван Тимофеев (Платонов часто опирается на его свидетельства), но, составив характеристику, он, в конце концов, сознался, что не умеет его понять и не может уразуметь, что преобладало в Борисе: добро или зло. В самые первые годы XIX века таким же загадочным показался Борис и для Карамзина. В склепе Годуновых в Троицкой лавре Карамзин восклицал: «Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести: все безмолвствует вокруг древнего гроба!.. Что, если мы клеветим на сей пепел, если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летописи бессмыслием или враждою?».

Действительно, у многих писателей Борис Годунов выступает мрачным злодеем, идущим к трону через интригу, обман, насилие и преступление (Н. И. Костомаров, И. Д. Беляев, Казимир Валишевский). «На этих писателей продолжает влиять та летописная и «житийная» традиции, которая в XVII- XVIII веках пользовалась силою официально установленной «истины» и только в XIX веке стала уступать усилиям свободной научной критики», - говорит С. Ф. Платонов. В этой ситуации Платонов фактически обязывает себя представить серьезные аргументы для «исторического оправдания»¹ Бориса. И он решает поставленную задачу блистательно. Прежде всего, можно отметить те положительные стороны Бориса, которые выделяет автор в своей книге.

Во-первых, он взял власть в тяжелое для страны время и нес бремя ответственно: «Борису пришлось взять на себя тяжелую заботу устройства власти и успокоения страны. К решению этих задач приложил он свои

¹ Это слова самого С. Ф. Платонова.

способности; в этом деле он обнаружил свой бесспорный политический талант и в нем же нашел свое вековое осуждение и гибель». Государство тогда переживало сложный кризис, причиной которому послужили последствия неудачных войн Грозного, внутренний правительственный террор, называемый опричниной, и беспорядочное передвижение народных масс от центра к окраинам страны. Все это в итоге расшатало к концу XVI века общественный порядок, внесло разруху и разорение в хозяйственную жизнь и создало такую смуту в умах, которая томила всех ожиданием грядущих бед.

Во-вторых, в отзывах всех современников Бориса Федоровича (в том числе и в отзывах его прямых противников) неизменно содержится признание исключительности личных дарований Годунова. В качестве примеров С. Ф. Платонов приводит свидетельства Ивана Тимофеева, князя Ивана Хворостинина, Конрада Буссова, Исаака Массы. «Иван Тимофеев ярче других характеризует умственную силу Бориса: он находит, что хотя в Москве и были умные правители, но их «разумы» можно назвать только «стенью» (то есть тенью) или подобием разума Бориса, и при этом он замечает, что такое превосходство Бориса было общепризнанным». А голландец Масса, несмотря на отрицательное отношение к Борису, признает все-таки его способности. Например, Масса говорил, что Борис имел огромную память. Короче говоря, современники уважали Бориса и полагали, что он по достоинству своему получил власть и хорошо ею распоряжался.

В-третьих, он проявил себя как незаурядный дипломат: «Москву бранили и над нею иногда смеялись, но с нею должны были считаться. Руководитель московской политики Борис мог хвалиться тем, что заставил соседей признать возрождение политической силы Москвы после понесенных ею поражений». Во всех проявлениях московской политической жизни, во всех сношениях с Европой и Востоком

чувствуется при Борисе подъем правительственной энергии и возрождение политической силы. «Можно сказать, что Борис достиг своих целей и заставил соседей считаться с Москвою так же, как они считались с нею в лучшие времена Ивана Грозного». Поэтому внешнюю политику Бориса Годунова можно было назвать успешной. Но, к сожалению, не то приходится говорить о внутренней политике: «как ни велик был правительственный талант Бориса, он не спас его от крушения. Сложность внутреннего кризиса, в котором пришлось действовать Борису, была неодолима для политика в действии так же, как может она оказаться неодолимой и для историка в изложении».

В-четвертых, Годунов был склонен к правосудию и гуманности: там, где Иван Грозный казнил без суда и без милости, Борис Федорович прибегал к более мягким, но достаточно эффективным мерам. Преследования за проступки не напоминали жестокостей Грозного. «Бояр не губили (по крайней мере явно), людей ссылали и казнили по розыску и суду. На Бориса можно было злоститься и злословить, но его нельзя было сравнить с Грозным и назвать тираном и деспотом». И эти слова Платонова сразу же подкрепляются доказательствами; о гуманном отношении Бориса говорят его современники. Ранее уже упомянутый Тимофеев слагает Борису целую похвалу, которая может быть передана так: Борис был «требующим даватель неоскуден»; кротко преклонял свое внимание к «миру» во всяких мирских мольбах; «в ответе всем сладок»; «правосудства любление имел безмездно» и т.п. И, как ни странно, эта характеристика Бориса намекает на идеальный образ бескорыстного, доброго, внимательного и справедливого правителя. Таким именно представлялся Тимофееву Борис Годунов. Менее склонен к восхвалению Бориса Авраамий. Палицын; но и у него Платонов находит красноречивые слова: «царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся»; «о бедных и о нищих крепче промышляше, и милость у него к таковым велика бываше,

злых же людей люте изгубляше». Из того, какое все-таки отношение высказывали о правителе его современники, можно с уверенностью сказать, что Борис укрепил свое положение у власти не только «интригою и фавором», но и умной правительственной работой, а равно и тем, что «ради строений всенародных всем любезен бысть», иначе говоря, тем, что сумел стать популярным, показав свою доброту и «административное искусство правителя».

В-пятых, именно его участие привело к успеху в щекотливом деле установления Московского патриаршества еще при царе Федоре Ивановиче, в 1589 году.

В-шестых, стилем Годунова было «благоволение к иноземцам»: правитель искал выгод правильной, регулярной торговли с Западом, являлся сторонником «культурных новшеств» и приобретения европейских научных знаний. Вообще современники Ивана Грозного упрекали его за склонность к общению с иноземцами и иноверцами, утверждает Платонов. Все беды времени Грозного Тимофеев приписывает господству иноземцев над Грозным. Такова была национальная оппозиция европеизму Грозного. Однако Борис, пишет Платонов, и в данном отношении последовал Грозному, не боясь обвинений, падавших на его политического учителя. В «Истории» Н. М. Карамзина старательно собраны указания на любовь Бориса к европейскому просвещению и к «немцам». «В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших венценосцев России», - говорит Карамзин.

«Но время приближалось, - говорит Карамзин о конце царствования Бориса, - когда сей мудрый властитель должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного». Карамзин считает «беззаконием» Бориса то преступление, которое ему приписывалось современниками, - убийство царевича Дмитрия в Угличе. Несчастье Бориса заключалось не только в том, что он стал жертвою

злословия и клеветы, но и в том, что это злословие и клевета получили «непререкаемую для своего времени санкцию правительства и духовенства и обратились из обывательского подозрения в официальную истину и церковное утверждение». На протяжении всего пути Бориса к власти, его сопровождала зависть и злоба. Его удача объяснялась не только его умом и счастьем, но еще более хитростью, «пронырством», и «злодейством». Когда в 1606 году совершилась канонизация царевича Дмитрия и для церковного обихода потребовалось его «житие», оно было составлено в форме весьма литературной. Оно раскрывало перед читателем губительный рост властолюбия Бориса Годунова, которое толкало его от преступления к преступлению. Стремясь к власти и престолу, Борис губит Шуйских, потом царевича Дмитрия, потом царя Федора. «Избранный на престол собственным замыслом, он своими преступлениями вызывает на себя кару Божию в виде самозванца. Как орудие Божьего промысла, самозванец имеет успех и истребляет Бориса со всем его родом. Исполнив же свое назначение, он в свою очередь истреблен благочестивым царем Василием Шуйским, которого Господь сподобил открыть и водворить в Москве мощи праведного царевича». В этой «повести 1606 года» трагедия Бориса впервые получает литературное выражение.

Смерть царевича Дмитрия, которая не возбудила особого внимания в московской массе, оказалась роковым для Бориса обстоятельством. А все дело в том, что это давало ненавистникам удобный мотив для правдивого обвинения Бориса. Вообще, его обвиняли во многом: в покушении на жизнь Грозного, в умерщвлении Шуйских, в поджоге Москвы, позднее – в смерти Федора и Ирины. Но все эти подозрения казались маловероятными. Зато причина убийства Дмитрия была абсолютно ясной и логичной, а именно – «ненасытное властолюбие» и жажда престола. Ведь со смертью Дмитрия наступал конец династии. Кому же могло быть это желательнее, чем Борису? Такого рода размышления рождали уверенность в преступности

Бориса. Злословие «Повести 1606 года» родилось в московских политических кружках, которые были враждебны Годунову, но оно перешло и в толпу.

Страшным для Бориса стало и то, что обратясь в династию, Годуновы оказались одинокими среди московской знати. «В борьбе за престол они растеряли своих друзей и из них нажили себе врагов. Они должны были всех остерегаться, всех подозревать, за всеми следить», - пишет Платонов. Ответственность за охрану и политический сыск Борис возложил на плечи своего родственника Семена Никитича Годунова, который довел свою деятельность до степени террора: он открыто поощрял и награждал доносы. К тому же род Бориса не был очень популярен, т. к. кроме самого Бориса не имел в себе ярких и талантливых государственных деятелей, которые могли бы образовать собою «правлящего круга». Конечно, у Бориса была составлена Ближняя дума из своих родственников, но от нее не было действительной помощи и опоры. «В бояре возводил Борис очень редко; придворных фаворитов у него, по-видимому, не было. Разве только Басмановых можно было счесть при Борисе за таких фаворитов». Но все они не скрашивали одиночества Бориса. «С высоты престола он видел только подданных, но не видел друзей. Все трудности правления, все опасности борьбы с явными и тайными врагами ложились исключительно на его плечи. Никого нельзя винить в этом, кроме самого Бориса и обстоятельств его исключительной житейской карьеры. Политическое одиночество было естественным последствием его удачи и с течением времени превратилось в условие гибели его династии».

Современники считали, что «Бог не благословил правления царя Бориса». После появления трудностей с избирательными интригами, последовали новые осложнения. В 1600 году разнесся слух о том, что жив угличский царевич Дмитрий Иванович. А с 1601 года началась прямая смута: надвинулся голод. Борьба с голодом в условиях того времени не

могла дать заметных результатов. Правительство пробовало кормить голодающих в Москве и раздавать им деньги, но, разумеется, не могло удовлетворить всех. «Нужда была слишком остра, и район, охваченный ею, слишком обширен для того, чтобы можно было достичь успеха в борьбе со стихией». В этих условиях стала распространяться кража и обман среди людей при раздаче милостыни, пищи и работы. «Для успеха самозванщины порожденные голодом Смута и общественный развал создали очень благоприятную обстановку». Трагедия Бориса окончилась гибелью его семьи и полным «захуданием» всего годуновского рода – главным образом по той причине, что этот род был обречен на политическое одиночество. Борис один со своею роднею остался против княжеской знати, приниженной и ослабленной им, но не примиренной и не забывшей своего прошлого первенства. Когда явился самозванец, эта знать служила ему. Но когда Борис умер, она не захотела поддерживать его династию и служить его семье.

Отношение автора книги к личности Бориса трудно не заметить: Платонов считал своим прямым долгом и пытался оправдать в какой-то мере его деятельность, воспринимаемую многими с отрицательной стороны. Конечно, все обвинения, направленные в адрес Бориса, не могут быть опровергнуты, но они также, получив только официальное утверждение государственной и церковной власти, не были доказаны. Борис на протяжении всего своего правления был вынужден «мирить непримиримое и соединять несочетаемое... Он давал льготы одним и жал других, тянул вверх третьих и принижал четвертых – все во имя государственной пользы... Сложность и многогранность его деятельности обнаружили во всем блеске его правительственный талант и его хорошие качества – мягкость и доброту; но эти же свойства сделали его предметом не только удивления, восторга и похвал, но и зависти, ненависти и

клеветы». И эта клевета и зависть взяла верх только после смерти Бориса, погубив его семью и омрачив его память тяжкими обвинениями.